

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

О том, как профессор

Леопарди ставил мне голос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548205

Аннотация

«Да-с, господа, поставить правильно голос – это не фунт изюму, и не баран начихал, и не кот наплакал, и не таракан... я уж не помню, что такое там наделал таракан. А я испытал, знаете, это удовольствие собственным животом, спиной и горлом...»

Содержание

Александр Иванович Куприн О том, как профессор Леопарди ставил мне голос

Да-с, господа, поставить правильно голос – это не фунт изюму, и не баран начихал, и не кот заплакал, и не таракан... я уж не помню, что такое там наделал таракан. А я испытал, знаете, это удовольствие собственным животом, спиной и горлом.

Меня в это пагубное дело втравили, понимаете, мои знакомые, у которых я на маленьких семейных вечерах, так себе, кое-что пел: «Проведемте, друзья», «Нелюдимо», «Не искушай» – и другие домашние штуки. Вот они мне и стали твердить в одну дудку: «У тебя голос, голос, голос. Смотри, теперь повсюду открываются голоса. Был себе обыкновенный адвокат, или письмоводитель, или булочник, или портной, или учитель чистописания, а глядь – открылся голос, – и он теперь тысячи загребает, и всемирная слава. Главное – надо вовремя голос поставить. Иди к профессору Леопарди. Он чудесно ставит голос. Первый мастер».

И вот я, знаете, пошел. Явился. Встречает меня сам профессор. Этакий, знаете, понимаете, мужественный итальян-

ский старик, вершков девяти ростом, на голове грива, золотые очки, эспаньолка. Поговорили с ним о том, что искусство петь – великое искусство, что поставить голос – это не таракан и так далее и что в этом деле самое главное – терпение и прилежание.

Затем маэстро спрашивает меня:

– Итак, начнем?

– Начнем, профессор.

– Ви котов?

– Д-д-да!.. – отвечаю этак неуверенно.

– Завсем котов?

– Н-н-д-да...

– Испытаем сначала диафрагма. Держись! Понимаете: не успел я моргнуть глазом, как он наносит мне зверский удар кулаком под ложечку. Что-то в животе у меня делает – уп!.. Разеваю рот – не могу вздохнуть. Сгибаюсь, знаете, пополам, сажусь на корточки. Вся комната плывет мимо меня в какой-то зеленой мути, а по ней вертятся огненные колеса.

Профессор приподымает меня, ласково треплет по плечу, дает стакан воды.

– Нишшево, mon ami¹, нишшево, нишшево. О, совсем здоровый диафрагм. Другой ученик лежит на пол, как один кадавр². Теперь открой немножко рот. Так. Еще немножко. О-о! Этих четыре зуб долой, прочь, совсем прочь. Гланды

¹ мой друг (*франц.*).

² труп (от *лат. cadaver*).

вырезать. Язык подрезать. Маленький язык немножко – чик.

Потом он, знаете, потащил меня к пианино.

– Теперь попробуем голос. Пой вот это: а-а-а-а, а-а-а-а.

Ну, я, конечно: а-а-а-а, а-а-а-а.

– Не так, не так. Твой поет, как коров. Пой еще один раз.

Я, понимаете, на него вовсе не обижался, что он мне тыкал. Я, знаете, заранее слышал, что он всем любимым ученикам говорит на «ты». А если на «вы», то, значит, никакой нет надежды.

– Пой еще один раз. Пою.

– О, черт побери, у тебя ни кож, ни рож, ни voix³. Упирай звук на диафрагм. Пой так, как будто у тебя живот болит.

Пою.

– Не так, не так! Служитель, принесите один полотенц.

Приходит служитель. Понимаете, такая суровая, небритая фигура, вроде сторожа из анатомического театра, на лице мрак и отчаянная решимость. Меня обвивают вокруг талии полотенцем, профессор берет за один конец, служитель за другой, оба упираются ногами мне в бедра и тянут каждый в свою сторону.

– Пой, – кричит профессор. – Глубже звук, ниже, ниже. На диафрагм.

Кровь бросается мне в голову. Я чувствую, как краснею, потом синею, глаза у меня выкатываются наружу, и наконец я хриплю, как удавленник.

³ голоса (франц.).

– О-о! Я так и знал. Тенор ди-грация. Теперь попробуем свободный звук. Высунь ваш язык.

Я, знаете, повинуюсь. Профессор тем же самым полотенцем обвертывает крепко мой язык и вытягивает его наружу, до соприкосновения с верхней пуговицей жилета.

– Пой! Э-э-э-э, э-э-э-э...

Пою. Понимаете, кашляю, давлюсь, но пою, пою.

– Теперь развяжем немножко челюсти. Открой рот. Открываю. Он захватывает рукой, как тисками, мою нижнюю челюсть и начинает махать ею вверх и вниз, точно действуя насосом.

– Пой! Бэ-бэ-бэ-бэ, бэ-бэ-бэ-бэ.

Потом он велит мне лечь на пол и говорит:

– Испытаем дыхание. Держи одну ноту... Вот эту – фа! Держи прямо, как один паровоз: уууу.

– уууу.

Тогда, знаете, он кладет мне на грудь огромную книжищу, на нее другую, третью, четвертую, пятую, шестую.

– Тяни: уууу.

– Уууу.

Тогда он, понимаете, поверх книг заваливает меня чемоданами, ящиками, подушками с дивана и, сверх всего этого, садится сам, своею персоною.

Я не выдерживаю и прошу пощады.

Профессор, по-видимому, доволен мною, потому что, знаете, этак потирает руки.

– Теперь последний экзамен. Вот венский стул. Полезай под стул и садись там.

– Но, профессор, это невозможно...

– Мольшатель! Если ты сумеешь петь, сидя под стулом, ты сумеешь петь во всякой другой position⁴.

Понимаете, никто не верит этому, когда я рассказываю, по, ей-богу, я умудрился залезть под обыкновенный венский стул и сесть там, скорчившись в три погибели, а профессор сел сверху, на сиденье, и крикнул мне:

– Пой!

– Что именно петь, маэстро?

– Что хочешь... Все, что хочешь: арию, дуэт, квартет...

Пой до тех пор, пока я не окончу курить мой сигар.

И вот он, знаете, закуривает огромную австрийскую сигару, а я начинаю петь, сидя в таком же положении, как сидит музейный недоношенный младенец в банке со спиртом. Я пою весь первый акт из «Фауста», эпиталаму из «Нерона», пролог из «Паяцев», куплеты Торeadора, «Вечорнюю звезду» из «Тангейзера»... Он все курит... Тогда я, знаете, говорю этак робко:

– Не могу больше, маэстро.

Тогда он встает, приподнимает стул и дает мне такой пипок ниже спины, что я, понимаете, чрезвычайно долго скольжу в сидячем положении по паркету, пока не упруюсь головой в трюмо. Наконец в недоумении становлюсь на ноги

⁴ положение (франц.)

и лепечу:

– Профессор...

– Да, профессор, черт вас побери, профессор! – кричит он, и на этот раз кричит чисто по-русски, без малейшего акцента. – Но только профессор вовсе не вашего дурацкого пения, а профессор атлетики, бокса, плавания и фехтования, имеющий глубокое несчастье быть однофамильцем вашего итальянского шарлатана. И так как ко мне ежедневно, благодаря этому несчастью, с утра до вечера, ломаются вот такие козлетоны, как вы, то я твердо решил проучить хотя одного из этих идиотов. Вы можете, милостивый государь, жаловаться на меня куда угодно или можете вызвать меня драться на любом оружии, начиная от пулемета и кончая французским боксом, включая сюда палки, рапиры и джиу-джитсу. Но теперь – вон отсюда!

Понимаете, что мне оставалось делать? И я, знаете, пожал презрительно плечами и ушел.